

А. И.
КУПРИН

Избранное

Лазурные берега

Александр Куприн

Остров Иф

«Public Domain»

1912

Куприн А. И.

Остров Иф / А. И. Куприн — «Public Domain»,
1912 — (Лазурные берега)

«Середина июля. Город Марсель празднует годовщину разрушения Бастилии. Почти сто лет тому назад пришли в Париж оборванные загорелые южане и заразили весь Париж, а вместе с ним и всю Францию революционными идеями. По дороге сочинили прекрасную песню, которая начинается так: «Allons, enfants de la patrie...», а кончается: «A bas la tyrannie», – словом, ту известную песню, которая исполняется на французских военных судах во время встречи дружественных эскадр...»

© Куприн А. И., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

Александр Иванович Куприн

Остров Иф

Середина июля. Город Марсель празднует годовщину разрушения Бастилии. Почти сто лет тому назад пришли в Париж оборванные загорелые южане и заразили весь Париж, а вместе с ним и всю Францию революционными идеями. По дороге сочинили прекрасную песню, которая начинается так: «Allons, enfants de la patrie...»¹, а кончается: «A bas la tyrannie»², – словом, ту известную песню, которая исполняется на французских военных судах во время встречи дружественных эскадр.

Надо сказать, что этот праздник – настоящий праздник. С раннего утра вся Марсель на улицах. Со всех сторон четырехугольного старого порта толпится по-праздничному вымытый, принарядившийся народ. В десять часов утра уже пускают фейерверк. Мальчишки и женщины визжат от радости, старые матросы режут от восторга, когда взвивается вверх ракета, разрывается в воздухе и вдруг из нее выскакивает, точно пузырь, фигура свиньи, верблюда или слона и медленно опускается вниз.

Около улицы Каннобьер, пройдя через мост, есть маленький закоулочек, где кутят рыбаки. Белое вино и целые груды, целые горы скорлупы от раков, устриц, муть, violettes и clovisses³. Все это поглощается в огромном количестве и стоит на наши деньги три-четыре копейки. С чувством отвращения наблюдаю я, как после долгой, ожесточенной торговли раскутившийся матрос покупает своей любовнице кусок спрута, или каракатицы, или какую-то странную черную раковину, из которой течет желтый сок, подобный яичному желтку, и как она большим пальцем правой руки выковыривает содержимое и как она его втягивает в рот.

Но мне тяжело и скучно. Чужой праздник! И я чувствую себя неприглашенным гостем на чужом пиру. Увы! Судьба моей прекрасной родины находится в руках рыцарей из-под темной звезды, и у нас нет ни одного случая вспомнить наше прошлое. Ни числа, ни месяца, ни года...

Лодки сгрудились около набережной так тесно, что движение одной передается другой. Какой-то хитрый старик подмигивает мне глазом и спрашивает:

– Может быть, господам угодно проехаться на остров Иф?

Отчего же не проехаться: это все-таки развлечение. Очень быстро мы узнаем, что лодочника зовут папа Доминик. Покамест мы в порту, он все время гребет. Но мы выходим в свободное море, и он начинает налаживать парус. Время от времени он вынимает из кармана плитку прессованного жевательного табаку, похожую на шоколадные плитки, жует ее и выплевывает через борт коричневую слюну. И вдруг обращается к нам с очень деловым вопросом:

– Из какой страны вы, добрые господа? Со вздохом мы признаемся, что мы русские. На лице нашего друга, папы Доминика, разочарование. Он еще раз плюет через борт лодки и говорит:

– В таком случае без глупостей (pas des betises).

Ого! Хорошая у нас репутация!

Но уже парус готов. Лодка бежит, накренившись набок, и время от времени на нас брызжет морская пена. Стали вырисовываться скучные стены тюрьмы, горбатый островок и на нем две башни, торчащие, точно два клыка, изъеденные временем. Между ними каземат и огромные ворота. Цвет здания – желтый, казарменный.

Но подойти нам к берегу не удастся. Артель рыбаков только что завезла невод, длиною приблизительно около версты. Две лодки тянут левое крыло, а правое крыло на своих пле-

¹ Вперед, сыны отчизны... (фр.)

² Долой тиранию (фр.).

³ Разные съедобные ракушки (фр.).

чах тащат вверх по горе двенадцать человек. Самая трудная работа достается переднему, и поэтому, пройдя шагов пятьдесят, он бросает тяж и перебегает в хвост. Таким образом, они постоянно сменяют друг друга. Наконец работа окончена. Две небольших корзинки маленькой серебряной рыбешки. Но зато сколько шума, пререканий, угрожающих жестов! Можно было бы подумать, что дело идет о пяти, шести взрослых китах.

Мы поднимаемся наверх, на гору. Оказывается, что смотрителя тюрьмы нельзя сейчас видеть – и по очень важной причине: рыбаки наловили много рыбы, а смотритель купил несколько фунтов, велел своей жене сделать бульябес и поэтому просит извинения.

А бульябес – это самое зверское кушанье, которое только существует на свете. Оно состоит из рыбы, лангуст, красного перца, уксуса, помидоров, прованского масла и всякой дряни, от которой себя чувствуешь, точно тебе вставили в рот динамитный патрон и подожгли его.

Ничего не поделаешь, – надо мириться со вкусами каждого начальника тюрьмы, музея или Эрмитажа. Но тут же, рядом с тюрьмой, есть маленький кабачок с надписью: «Граф Монте-Кристо». Мы внедряемся туда, заказываем яичницу и пьем красное вино. Через час появляется смотритель, на ходу утирая рот салфеткой. Он чересчур вежлив, как, впрочем, и всякий француз. Он с нас берет по франку за вход в историческую тюрьму (удивительно, не для того ли Марсель сделала французскую революцию, чтобы республиканское правительство получало деньги за право обозрения тюрем?); потом, закрыв глаза, точно соловей во время любовной песни, он начинает нам отчитывать наизусть:

– Вот место, где сидел двоюродный брат польского короля Владислава или, может быть, Станислава. В этой камере сидел известный адвокат Мирабо, потомок которого, Октав Мирбо, до сих пор существует в Доме инвалидов... Вот здесь заседал революционный марсельский трибунал. Здесь же по распоряжению суда гильотинировали виновных. Двести восемнадцать смертных казней.

Обратите внимание, господа, что камни иззубрены стойками гильотины.

И правда, он нам показывает нечто вроде каменных полатей, на которых заседал трибунал, приговаривал к смерти в одну секунду, и только одну секунду длилось мучение жертвы. Я не знаю, здоровое ли это впечатление или галлюцинация, но мне казалось, что во всей этой тюрьме, в этом правительственном музее, пахнет кровью и человеческими извращениями, как будто бы стены пропитались их запахом.

Наша доверчивость развращает смотрителя. С необыкновенно наглым видом он нам показывает еще один закоулок, с полом вроде московской мостовой, без света, и говорит:

– А вот здесь сидел граф Монте-Кристо.

Это нас поражает. Мой друг К. первый не выдерживает серьезности. Он спрашивает:

– Если я не ошибаюсь, граф Монте-Кристо – это не живой человек, а выдумка Александра Дмитриевича Дюма? Дюма père? Это лицо никогда в действительности не существовало.

Смотритель сконфужен, но все-таки милый француз находчив: он открывает окно и показывает нам на вывеску ресторана. Правда. Написано «Граф Монте-Кристо». Мы соглашаемся. Что поделаешь против очевидности! И папа Доминик благополучно отвозит нас в Марсель.